Сидят на лавочке старухи, Скрестив морщинистые руки. Как назиданье, как укор, Ведут о жизни разговор: О трудоднях и о колхозах, О голодовках, о морозах, О мудром Сталине-отце — О душегубе-молодце, О непонятной перестройке Как неумелой перекройке, О разрушительной войне, О развалившейся стране, Бранят генсека Горбачёва, Реформы и свободу слова, И говорят о пользе щей, И ни о чём, и вообще. Сидят на лавочке старухи — Минувших лет живые духи, И рядом с ними я, старик, Как эхо прошлого и крик.

Томится дух, слабеет воля, Всё меньше в бренном теле сил. Эх, человеческая доля! Всё улетело, как не жил. И ничего уже не стою, Спасает нитроглицерин. И вдруг покажется порою, Что во Вселенной я один.

Докука прозы. Будничные дни. Дряхлею незаметно год от года. Под старость остаёмся мы одни. Безжалостна суровая природа.

В большом селе под городом живу И созерцаю мир больной, печальный, Сажаю овощи, кошу траву. Известен как поэт провинциальный.

Идут года, и я старею. Лишь по привычке жизнь терплю. На солнце кости свои грею, Курю моршанскую, дремлю.

Я ко всему давно готовый, И куража былого нет.
— Ты с посохом? Ты трёхмостовый? — Смеётся надо мной сосед.

Я не сержусь, не обижаюсь, Куда подальше его шлю, И даже духом поднимаюсь, И узнаю, что жизнь люблю.

И вдруг с тревогой понимаю: Она даётся только раз! Всё вижу, слышу, понимаю, Шлю соплеменникам наказ:

Живите, люди, не старейте! Себя умейте побеждать! Любовью мудрой сердце грейте. Мы вправе мыслить и дерзать.

Сентябрь 2020